

С. А. Попова

**Миграции манси и фольклорные мотивы:
к проблеме фольклора как исторического источника
(на примере северной группы манси)**

Аннотация. Существующая взаимозависимость жанровых структур и первичных этнографических обобщений даёт возможность учёным-угроведам привлекать фольклорные материалы в качестве исторических источников. Множество сюжетов, мотивов, образов из текстов сказок, мифов, преданий восходит к различным этнографическим фактам. Наиболее удачным дополнением можно считать фольклорные материалы, ориентированные на объяснение существующих отдельных составляющих традиционной культуры. Например, особенно часто учёные опираются на мансийские мифы и исторические предания, объясняющие деление манси на фратрии *Пор* и *Мõщ*. В то же время, эти же тексты могут быть полезны в изучении и обсуждении вопросов по миграциям и пребывании манси на Урале и в Приуралье. Самые древние миграции, упоминающиеся в мансийских мифах, имеют связь с огненным и водным потопами, образованием каменных изваяний. Возможно, в них нашли отражение исторические события, отражающие климатические и экологические изменения соотносимые археологами и этнографами к эпохе бронзы, во II тысячелетии до н. э. Последующие волны «великих переселений» происходили также на почве территориальных или религиозных войн, перенаселения и оскудения природных ресурсов.

Хронологические рамки статьи охватывают почти всё средневековье, вплоть до колонизации Московским государством восточных регионов таёжной части Западно-Сибирской низменности (VII–XIV вв).

В предлагаемой статье мифы и предания не рассматриваются с точки зрения фольклористики, отдельные мифологические сюжеты и образы привлекаются только в качестве иллюстрации.

Новизна исследования состоит в попытке определения реального сложения локальных групп северных манси на основе мифологических миграций, предшествующих определённым историческим событиям и которые обусловили их дальнейшее этнокультурное развитие.

Ключевые слова: каменные изваяния, миграции, мифы, лось, *мёнквы*, *мõщ мāхум* ‘народ *мõщ*’, *пор мāхум* ‘народ *пор*’, Урал.

S. A. Popova

**Migrations of the Mansi and folklore motifs:
to the problem of the Mansi folklore as a historical source
(on example of the Northern group of the Mansi)**

Abstract. The existing interdependence of genre structures and primary ethnographic generalizations gives opportunity to the scientists of the Ugric studies to attract folklore materials as historical sources. Many plots, motifs and images from the texts of fairy tales, myths and legends can be traced to various ethnographic facts. Most successful additions are folklore materials focused on the explanation of existing components of traditional culture.

For example, most often scientists rely on Mansi myths and historical legends explaining the division of the Mansi people into two phratries – *Por* and *Mõshh*. At the same time, these same texts can be useful in the study and discussion of questions on migration and location of the Mansi in the Urals and the Transurals region. The most ancient migrations mentioned in Mansi myths have a connection with fire and water floods, formation of stone monuments. Perhaps they reflect the historical events that indicate climatic and environmental changes which archaeologists and anthropologists refer to the Bronze Age in the II Millennium BC.

Subsequent waves of "great migrations" occurred on the basis of territorial or religious wars, overpopulation and impoverishment of natural resources.

The chronological frameworks of the article cover almost all middle ages right up to the colonization of the Eastern regions of the taiga part of the West Siberian Plain by the Moscow state (VII–XIV centuries).

In the article myths and legends are not considered from the point of view of folkloristics; separate mythological plots and images are used only as illustration.

Novelty of the research consists in trying of determination of the real formation of the local groups of the Northern Mansi on the basis of mythological migrations prior to certain historical events and which caused their further ethnic and cultural development.

Key words: stone sculptures, migration, myths, moose, *mengkv*, *mōshh māhum* ‘people *mōshh*’, *por māhum* ‘people *por*’, the Urals.

Настоящая статья не имеет специальной историографической части, поскольку история вопроса, затрагиваемого нами далее, солидно и обстоятельно представлена в монографии известного учёного-угроведа З. П. Соколовой «Ханты и манси. Взгляд из XXI века», что освобождает нас от её описания [1, 59–68, 488–494]. В этой же монографии автор обширно и доказательно рассматривает вопрос о первоначальном проживании предков манси, где ещё раз подтверждает своё мнение по поводу их формирования не на Севере Западной Сибири, а на Южном Урале и его западных склонах: «<...> Они постепенно двигались из Прикамья и Приуралья в Зауралье и Западную Сибирь; отсюда сходство их антропологического типа с поволжскими народами» [1, 26, 71; 2, 46–58; 3, 118–143]. Научную гипотезу на основе этнографических и археологических исследований по заселению Западно-Сибирской равнины – с юга на север и северо-восток (со стороны Казахстана) и с запада на восток (со стороны Уральского хребта) – обосновал ещё В. Н. Чернецов. Её подтверждают и современные учёные [4, 179]. Миграционные процессы через Урал, в разных его частях, происходили постоянно. Уральский хребет оказался не зоной разграничения, а наоборот, мостом и полем тяготения для этносов, живущим к западу и к востоку от него: «на Урале процессы макро- и микро-миграций растянулись до VI в., а в некоторых районах до VIII–IX вв.» [5, 257].

В настоящее время наиболее известным историческим периодом в истории Урала и Приуралья является время формирования уральской этноязыковой общности, которое учёные относят к эпохе мезолита (IX – начало VI тысяч. до н. э.) и раннего неолита (VI–IV тысяч. до н. э.). Огромная территория Западной Сибири, Урала, Приуралья была прародиной уральских народов, где жили племена общего происхождения и сходной культуры – уральцы [2, 57].

Мифологическая история, зафиксированная в отдельных жанрах фольклора манси, начинается с повествования, где до наступления времени «долгой человеческой жизни, вечной человеческой жизни», в том числе, разворачиваются и события по захвату пастбищ с домашними животными: овцами, свиньями, коровами, лошадьми. Весьма существенно, что здесь речь идет о скотоводах, обладателях больших стад: «[животные] как черви кишат», жилища которых имеют покрышки из войлока *нуй кол* ‘суконный дом’ – точно таких, какие имеют тюркоязычные скотоводы, южные соседи манси. Население отличное от манси, в повествованиях изображается как одноглазые, однорукие и одноногие люди. Так же рисуется чужое и в образе Парпарсеха, что может означать «посторонний, лохматый» ср.: обско-угорские «косатые воины», бывшего обладателя всех этих стад. Он прилетает в обличье ворона с южного края. В сказании «О возникновении Земли» его одолевает герой-богатырь *Тары Пёсь Нимāля Сов* ‘Нежная Кожица Бедра Журавля’. После победы, он, прихватив семь жён и богатства, перескочив на лошади огненный и водный потопа, возвращается обратно домой на землю, начало которой было заложено торфяным клочком. Здесь герой становится духом-покровителем для человечества [манси], которое только начинает зарождаться.

Согласно сюжетам мансийских мифов, эпоха «человеческой жизни» начинается с сотворения людей, причём в несколько этапов. Например, в мифе «О сотворении людей» говорится, что первые люди были сотворены из камней, оставшихся после установления гор, эти люди были великанами. Затем первые обитатели земли окаменели и стали горными изваяниями: *Мāнь-Пупыг-Нёр*, букв. Маленькая гора духов (рис. 1) и *Яныг-Пупыг-Нёр*, букв. Большая гора духов.

Рис. 1. Каменные изваяния *Мань-Пупыг-Нёр*.

По поводу превращения первых обитателей земли в *пупыг* ‘духов’, например, В. Н. Чернецов пишет: «Сначала были богатыри *эрыг отырыт*, которые также жили в *ма кол* ‘землянках’. Находимые черепки глиняной посуды принадлежат им. Они всё время воевали. Почти все были перебиты, а кто из них остался в живых, стали *пупыг*» [9, 150].

Из разрозненных вариантов того же мифа, самые первые люди *йис порат м̄ахум* ‘древнего времени народ’, или *эрыг отыр’ыт* ‘богатыри песенной поры’, были также огромного роста и бессмертны. Все они являлись представителями той части древнего населения, которое, якобы, сумело уцелеть во время Великого Потопа *Ялпың Сякв* ‘Священное Молоко’. Потоп же, якобы, случился из-за того, что они всё время воевали друг с другом. Верховному божеству манси *Нуми Төрум*’у надоели их распри и он решил их уничтожить. Сначала наслал на них огненный потоп, но великаны попрятались в землянках (манс. *м̄а кол*), тогда *Нуми Төрум* устремил на них *яныг вит капай* ‘огромный поток воды’. Какой-то части населения богатырей-великанов всё же удалось выжить, они спаслись благодаря тому, что были предупреждены и успели сделать семислойные листовенничные плоты, которые затем прибило к выступающим из воды вершинам Урала. На новой территории великаны вновь принялись воевать и к тому же оказались не очень дружелюбными к обитавшим здесь жителям (не великанам). Кем были эти жители, не известно, о них лишь имеются отрывочные сведения, которые можно позаимствовать из преданий, касающихся топонимов и оронимов Урала. Отдельные исследователи мансийской топонимии связы-

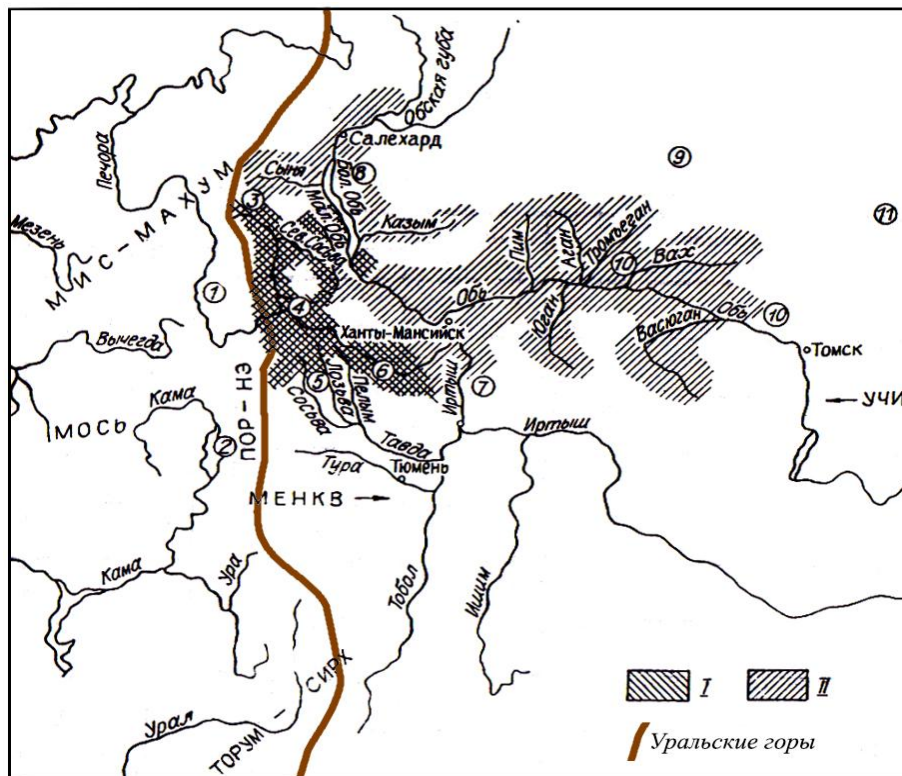
вают с Потопом появление названий некоторых горных массивов, где на вершинах удалось спастись какой-то части автохтонного населения, которое уже тогда здесь обитало [6, 18–19; 7, 20].

По столкновениям и конфликтам между древним автохтонным населением и переселенцами на Урале мифы и легенды нас вновь возвращают к гряде застывших каменным изваяний-великанов *Мань-Пупыг-Нёр* и *Яныг-Пупыг-Нёр*. Например, из наиболее известной легенды, которой часто пользуются исследователи, мы узнаём, что эти изваяния при жизни были ненецкими богатырями и шли войной за Урал, но их шествие остановил *Нёр Ойка* ‘Гора Мужчина’. Легенда же доносит нам следующее: «Когда-то могущественные богатыри соседнего ненецкого народа решили погубить манси (вогулов). С воинственным духом направились они к Уралу. Их богатырская поступь и барабанный бой были слышны даже по другую сторону хребта, в стране маленького вогульского (мансийского) народа. Как только богатыри поднялись на одну из первых уральских вершин и увидели за хребтом священную вогульскую гору Ялпынг-Нёр с обитавшим на ней божеством Нёр-Ойк’ой, они с ужасом остановились. В тот же миг, вокруг них закрутились страшные вихри, за клубились чёрные тучи, загрохотало в небесах, и стрелы огненных молний посыпались на землю. Разом окаменели богатыри – навеки обратились в истуканов. Выпал из их рук барабан и, тоже окаменел, став горой Койп ‘бубен’. И стоят они, устремив свой мёртвый взор за Урал, в сторону священной горы, а рядом тупой конус горы в виде перевернутого вверх дном барабана – Койп» [8, 11–12]. К этой версии легенды Т. Д. Слинкина добавляет вариант

концовки мифа о тех же событиях: «Нёр Ойка не просто превратил ёрын-воинов в каменных великанов, а предназначил им быть Ёрын Пупгами ‘Ненецкими Святыми духами охранителями’, которые должны вечно оберегать близлежащие территории от посягательств любых неприятелей. Манси почитали их наравне со всеми другими Святыми покровителями, т.к. они стали для них такими же святыми по предназначению Нёр Ойк’и» [6, 206–207]. Нёр Ойка в мифологии и представлениях манси является одним из старших сыновей Нуми Тõрум’а ‘Верхний бог’. Он богатырь-воин, но совершать походы и завоевывать другие территории – это не входит в его функции, он страж гор и предгорий, людей здесь проживающих и их оленьих стад. Его образ более подходит для богатыря-защитника и мирного духа-охранителя: одежда и обувь из белого меха, в его ездовые нарты запряжены белые быки-олени. Тем не менее, Бог отец наделил сына такой силой, что одного его взгляда было достаточно, чтобы превратить неприятеля в камень. Именно

так он и поступил с ненецкими богатырями, ставшими Ёрын Пупгами.

С нашей точки зрения, воинственные богатыри-великаны были явно не ненецкими, хотя и пришлыми. В то далёкое время: по мифологии – до Великого Потопа; по данным археологии – около 10 тыс. лет назад, конкретные уральские и самодоязычные этносы ещё не определялись. Если они были великаны, то и силу (манс. ёр) они имели великую, возможно, они своей силой славились среди других народов или ею кичились (манс. ёрыланкве ‘гордиться, возгордиться’). Нёр Ойк’е надоело, что великаны обижают простых людей (особенно женщин) и тогда он применив свой взгляд как оружие, превратил великанов в каменные изваяния. О возникновении каменной гряды Мән-Пупыг-Нёр сохранилось предание и у родственного финно-угорского народа – коми, из текста которого известно, что семь богатырей пришли выручать сестру, которую насильно забрал угорский богатырь, но Нёр Ойка превратил их в камни.

Карта 1. Современное расселение манси (I) и хантов (II) и предполагаемое расселение древних племён (по данным П. Е. Шешкина).

- 1 - Печора маньсит; 2 - Али - нер - тапал маньсит; 3 - Каляйт махум;
4 - Сакв пласынг - тагт махум; 5 - Лусум маньсит; 6 - Хонтанг махум;
7 - Ас - ал - суп махум; 8 - Ас - луй - суп махум; 9 - Арнга махум;
10 - Хопи - пал - ас махум; 11 - Туланг - я махум.

Отражением этнической истории манси и их соседей могут послужить и те мансийские мифы, легенды, исторические предания, в которых описываются человеческие коллективы – фратрии *пор* и *мõщ*. Не углубляясь в вопрос о происхождении деления обских угров на две группы (*пор* и *мõщ*), мы отметим, что учёные определяют их по-разному, как экзогамные группы, дуальные половины, разные этносы. Для нашего исследования важно, что эти две группы представляют одно историческое время, часть из них соотносится с прапредками современных манси, а в мифах и исторических преданиях о людях *пор* и *мõщ* обнаруживается некоторая информация по миграционным процессам. Взять, к примеру, сюжет космогонического мифа «О погоне и добыче шестиногого лося», героем которого является *Мõщхум* ‘Мужчина *Мõщ*’ [9, 29, 268]. Герой мифа начинает преследовать лося с южной части Урала (манс. *ур алы õвыл* ‘начальные/южные горы’) и заканчивает погоню уже на северной его части (манс. *ур лүйи õвыл* ‘конечные/северные горы’), здесь *Мõщхум* настигает усталого зверя и отрубает ему две задние конечности. С этого времени лось теряет святость и становится добычей любого охотника. Отметим, что в предании *Мõщхум* имеет отца и мать, он побежал за лосем, будучи ещё младенцем: «выскочил из колыбели (манс. *āna*) и побежал», а гоньба лося, в это время, была занятием *мёнкв’ов* (о них речь пойдёт ниже) [9, 29].

Сюжет погони за лосем имеет отображение на небосводе звёздной картиной, где созвездие Млечный путь – это *Мõщхум ёсаң лёңх* ‘лыжня *Мõщхум’а*’, а россыпь звезд по обе стороны лыжни – это словно разбросанные комочки снега от быстрого хода лыж охотника. Сам лось также виден над Северным Уралом – семь ярких звёзд, называемых *Яныгуй* ‘Лось’ – это созвездие «Большая медведица». Рядом, с правой её стороны, четыре слабо светящиеся звёзды (в два ряда по вертикали) – это отрубленные задние конечности лося. Раньше, когда лось имел шесть ног, люди не могли догнать его [10, 297; 11, 39–40]. Но, практически, у всех древних охотников Сибири отмечен культ лося, соответствующие именованья звезд Большой Медведицы [12, 18–

22] и сюжет «небесной охоты» среди них также распространён, что даёт основание считать, что главная идея мифа имеет связь с промысловой деятельностью. <...> «Лось воспринимается, прежде всего, как источник жизни, главное промысловое животное, объект охоты начиная с эпохи мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.)». [13, 3, 78, 130]. Охота на лося «считалась занятием благородным, достойным князей и даже их божества» [14, 352–353]. С изобретением лыж добыча животного по глубокому снегу становится менее изнурительной. Манси говорят, что лыжи они научились делать глядя на *Мõщхум ёсаң лёңх* – букв. лыжная дорога *Мõщхум’а*, Млечный путь [9, 268]. Очевидно, лыжи были привнесены в обиход с приходом *Мõщхум’а*.

Население, которое символизирует *Мõщхум*, достигнув *ур лүйи õвыл* ‘конечные северные горы’ попадает на Северный Урал – «*Ур-Ала* ‘Горный хребет с пологими вершинами’, что по описанию характерно более для Северного Урала с высотными ровными оленьими пастбищами. (Ср. *урам* – бугор, грива, незначительное возвышение ландшафта)» [6, 15]. Оказавшись в благоприятной для проживания и ведения традиционного хозяйствования местности, где имеются долины с пастбищами и лесистые плоскогорья, богатые зверем и птицей, пришлые люди не спешат покидать её. Кроме того, как известно ещё с каменного века, для них были привлекательными: «россыпи каменного сырья на отмелях – кремневых пород, яшмы, кварцита, халцедона и туфа, используемого для изготовления орудий» [13, 3]. Судя по мифу народ *Мõщхум’а* здесь остановился: «когда *Мõщхум* со своими товарищами настиг лося, то они жили здесь семь лет, пока всего его не съели» [9, 269]. Мифологические «семь лет проживания», в истории человечества, могут исчисляться не одной сотней, а то и тысячей лет.

Как переселенческое население с индоиранским (степным) компонентом (подтверждено учёными) для того, чтобы укорениться на данной территории, они вынуждены были оправдать своё появление и причисление к автохтонному (охотничьему) населению. В связи с этим, вероятнее всего, ими были «добавлены» некоторые факты к мифу «О погоне и добыче шести-

ногого лося» и прежде всего в части звёздной картины, поскольку в их мировоззрении должно было появиться некое достижение божественного верха. Наверно поэтому (из-за слияния разных мировоззренческих культур), учёные отмечают, «образ лося в мировоззрении угорских народов противоречив» [13, 130]. К слову сказать, потом, по истечении не одной сотни лет, когда предки северных манси окажутся сначала в предгорьях восточной части Урала и будут постепенного сходить на низменную таёжно-болотистую часть Западной Сибири (где проживают до сих пор). Ими будут так же добавлены факты к уже существующим мифологическим представлениям о медведе – своё появление и обоснование пребывания на этой территории (песни-мифы о спуске с небес=гор). Не зря же, говоря о манси, З. П. Соколова отмечает их удивительные особенности: «древние угорские племена, предки венгров и манси, обладали какой-то поразительной этнической стойкостью. Куда бы они ни приходили – на отдалённые территории Сибири или Дуная – они, воспринимая культуру местного населения, давали новому этническому образованию свой язык и самосознание» [1, 67; 3, 57].

Мифологический *Мōцхум* и в его лице *мōц мāхум* ‘народ *мōц*’, хотя по какой-то причине и покинули родные места, вернее всего из-за оскудения природных ресурсов, поскольку он, услышав о лосе, соскакивает и бежит за ним, но их никто не преследует. И они сами определяются с новой территорией проживания. Горы, как в мифологии, так и в религиозных воззрениях манси ассоциируются с верхом, небесным миром, обителью верховных (главных) божеств и бесконечным полем боя. Возможно поэтому, каждый из предков манси, даже если он не очень высокого ранга, имеет две ипостаси: зооморфную, где через образ определённого животного маркируется родовая или племенная территория и антропоморфную, в образе богатыря, воина, героя.

До прихода *Мōцхум*’а горные площади на севере Урала уже были заселены племенами, с одним из таких племен идентифицируются в фольклоре *мёңкв*’ы. Если вновь обратиться к мифу «Охота на шестиногого лося», то в нём упоминается, что до *Мōцхум*’а, за лосем гнался *мёңкв* «<...> видела, как

мёңкв гонит лося». Именно с ними пришлось столкнуться народу *мōц* и отвоёвывать у них приглянувшуюся территорию.

В современных представлениях манси, например, в сказочном фольклоре, *мёңкв*’ы – сверхъестественные существа, чаще всего с негативной силой, но именно они имеют непосредственное отношение к древнему населению гор и предгорий Среднего Урала. Большие пещеры или провалы в горах (*āхвас кол*, букв. каменный дом), манси называют «жилищем *мёңкв*’ов» [6, 129]. П. Е. Шешкин, исследователь мансийского фольклора, в своих записях характеризует их так: «Самые древние племена (*султмил* ‘племя’, чисто мансийское слово – П. Е.) – великаны *мёңкв*’ы. Огромные, людоеды, даже совместно проживать не могут – ссорятся. Одевались в шкуры зверей. Встреча с простым человеком заканчивалась кровопролитием. Имели единственную заботу и желание – добыть еду. Съедали всё, что ни попадётся. В преданиях упоминается, что когда-то эти племена двигались на восток, со стороны юго-запада, нынешнего Южного Урала». Так же он отмечает, что «*мёңкв* – человек, высокого роста (великан), белокожий, но с чёрными волосами и тёмными узкими полуоткрытыми глазами, маленьким тупым носом. Одевались в шкуры зверей» [15, ХМФ–1143]. В фольклоре манси они описываются как удачливые охотники, а в представлениях сильные воины (манс. *хонт* ‘воин, войско’), соотносятся с *пор*.

Память о былых сражениях и героях хранится в названиях скал, вершин, плато, например, горный хребет *Тўлям ур* был назван в честь великана-воина *Тўлям Урың Ойк*’и ‘Мужчина Хребта *Тўлям*’, предводителя войска *мёңкв*’ов. В его призывной песне (манс. *кайсов*) говорится, что «его подданными являются *мёңкв*’ы и *вōр ўтицит* – *ур ўтицит*. Он великан внушительного облика, отважный воин, за военные подвиги был причислен к *нāй отыр*’ам ‘герой богатырь’ и «посажен» духом-покровителем (манс. *пупыг*) *Няхицам вōль пāвыл* (с. Нясимволь). Имеет братьев, с которыми ходил в походы» [по 6, 227]. Но не все походы заканчивались для них благополучно.

Из многочисленных мансийских легенд и сказок о *мёнкв*'ах, складывается впечатление, что под видом *мёнкв*'ов и их предводителя *Тулям Урың Ыйк*'и представлен какой-то народ, которому в конце концов пришлось отступить под натиском более организованных и лучше вооружённых племён. По текстам, их оттеснил народ, сравнимый с нашествием лиственных деревьев берёзы, т. к. *мёнкв*'ы ничего так не боятся, как лица, прикрытого берестяной маской (манс. *сас нёл*). Увидев её *мёнкв*'ы в беспамятстве убегают, натываются на палки и падают замертво [9, 157]. Известно, что берёста, и самое дерево берёза – это сакральный символ материнства и материнского народа *мёц* с предком в образе богини *Калтац*. В мифах «О сотворении человека» сказано, что *мёнкв*'ы – первые неудачно сотворённые из лиственницы (кедра) люди-великаны, убежавшие в лес. Естественно, для них берёза символически обозначает чужое, пришлое население (в природе заменяющее уничтоженные плантации хвойных). И как принято у завоевателей, люди *мёц* *мāхум*, насаждая своих богов и героев на отвоёванной территории, делают всё возможное, чтобы уничтожить и придать забвению прежде почитаемых кумиров. С этой целью, воинов-*мёнкв*'ов, а вместе с ними и *пор* *мāхум*, которых представляют *мёнкв*'ы, превращают в глупых существ и людоедов, т. е. как было уже сказано выше, они становятся отрицательными персонажами последующих мифов, легенд и сказок.

Отступив в таёжную равнинную часть, *мёнкв*'ы объединились с подобным себе – высокими (иногда среднего роста), сильными и выносливыми, но с положительной характеристикой лесным народом *мис* (*мис* *мāхум*). По представлениям манси, *мис*, *мис* *нэ* являются покровителями охотников по своей функции. П. Е. Шешкин отмечает: «совместно они ходили походами за Енисей». Предводитель войска *мёнкв*'ов *Тулям Урың Ыйка* на равнинной части, уже не воин, а охотник: *вөр хум* – *вөр мис хум* [9, 151], т. е. лесной человек – лесных *мис* человек. *Мёнкв*'ы же, продолжая оставаться воинами, поскольку в фольклорных источниках говорится, что в лесу они «войско *мис*», хотя и показаны как глупые, но их ос-

новная роль всё же благородная – «дедушки» обучающие приёмам охоты юношей (но об этом в этой статье не говорится).

В период, когда *Мёцхум* с товарищами отвоёвывал у *мёнкв*'ов себе территории и осваивал Северный Урал, хозяйкой гор здесь была *Порнэ* 'женщина Пор', военных действий между ними не происходит. Из тетрадей с записями фольклора П. Е. Шешкина: «*Порнэ* – самые древние племена и исторические обитатели древнего Урала. Они были первоначально рослые, позже, среднего роста, белолицые и белокожие. Имели рыжий или чёрный цвет волос, чёрные и карие глаза, [взрослые сыновья, братья] рыжие и чёрные бороды» [15, ХМФ–1143]. «В народе говорится, когда *Нуми Төрүм* 'Верхний бог' создавал земные блага для человека, *Порнэ* перечила многим его благим решениям. Например, якобы, он хотел, чтобы в реках вдоль одного берега вода текла вниз, а вдоль другого – вверх, и людям будет проще ездить. *Порнэ* возмутилась и сказала, что человеку слишком вольготно будет жить, без трудностей он станет ленивым и вымрет. *Нуми Төрүм* согласился с ней и реки потекли в одном направлении» [6, 86–87]. Есть сказки, в которых *Порнэ* на эту же тему спорит с *Мёцнэ*, события же происходят во времена, когда люди были бессмертными. Основа сюжетов – противостояние групп *пор* и *мёц*. Например, «*Порнэ* озабочена тем, что размножившимся людям будет недоставать пищи; *Мёцнэ* предлагает сделать реки масляными, а *Порнэ* видит выход в том, чтобы люди стали смертными. Концовка звучит так: «*Порнэ* хоть и злая, но умная, а *Мёцнэ* глупая, хоть и добрая». Нужно заметить, что здесь выражена оппозиция *мёц* – *пор*, обратная общепринятой у обских угров: «*Мёцнэ* – очень умная и хитрая женщина, а *Порнэ* глупее»» [10, 45]. Принимая соучастие в актах первотворения она, бесспорно, является одним из древних персонажей мансийского фольклора и в этом качестве причисляется к небесному божественному роду *Төрүм сирх*, считается мудрой хозяйкой гор. Её пребывание в роли хозяйки заканчивается с появлением здесь *Сорни Най* 'Золотая богиня'. В предании говорится: «Золотая богиня пытается перейти через горы. На её пути встаёт *Порнэ*

‘женщина *Пор*’, которая считает себя хозяйкой гор. Но силы оказываются неравными, и Золотая богиня превращает *Порнэ* в гору. Так она наказала хозяйку гор за то, что та осмелилась её задержать» [6, 213]. Если посмотреть на гору, которая называется «бубен» (манс. *койп*, речь о нём шла выше) с другого ракурса, то её очертания похожи на сидящую женщину – это и есть *Порнэ*. Изначально в племенах *пор* во всех сферах жизни, преобладающая роль принадлежала женщине. У них есть дети, но нигде не сказано, что есть мужья. После свержения *Порнэ* Золотой богиней, *пор мяхум* ‘народ *пор*’ встречается уже только на низменной болотисто-таёжной территории.

О племенах *Мощнэ* и *Порнэ*, которые шли к Уралу с западной его стороны, также имеются сказки и исторические предания, правда, в разрозненных вариантах. Если сослаться на одно предание, например, «*Мощнэ* и *Порнэ*» [11, 193–203], то в нём нет тех событий, которые дополняет *потыр* ‘предание-рассказ’ «*Кит Порнэ* ‘Две женщины *Пор*’» [9, 262]. В сюжетной линии свода преданий события складываются так: есть некая земля, на которой проживают *пор* и *мощ*, – редколесье, местность холмистая, зимой выпадает глубокий снег, общеизвестно, что на западной стороне Урала, в связи с частыми осадками, снег всегда более глубокий, чем на его восточной стороне. Живут в землянках, т. е. не вечная мерзлота и не каменистая горная, а мягкая почва. Катаются с гор на лыжах, *Порнэ* катается на железных лыжах, а *Мощнэ* на деревянных. У каждой из них есть дети: дочь и сын, о мужьях и мужчинах ничего не сказано. «Характерно, что в мансийских сказках [о *Порнэ* и *Мощнэ*] отец совершенно не упоминается» [9, 262].

Женщины *пор* и *мощ* живут не дружно, однажды *Порнэ* убивает *Мощнэ* и готовится избавиться от её детей, но они об этом узнают и убегают. *Пор мяхум* ‘народ *пор*’ таким образом, вынуждает к побегу с насиженных мест *мощ мяхум* ‘народ *мощ*’. Причём убегают дети – девочка *Мощнэ* с младшим братиком, поскольку родителей у них нет. В пути девочка является старшей, и все действия исходят от неё. Отправляются дети не абы куда, а к братьям их ма-

тери (*сасганэ палт минэгыт*). «Но почему предки манси пошли на Север в заведомо холодные края? <...> какие-то далёкие предки жили и на Урале, и по его предгорьям» [6, 18]. Возможно, это та часть населения Урала, которая спаслась на его вершинах во время потопа [6, 18; 7, 20]. Из цитируемых текстов можно сделать вывод, что *мощ мяхум* ‘народ *мощ*’ уже проживал (до потопа) на Урале, часть его когда-то откочевала на Юг, а часть оставалась здесь на Севере. Возможно, потому у народа манси остаются представления, особенно в погребальной обрядности, о тёплом юге – где обитают духи-предки, куда улетает душа покойного для перерождения и холодном севере, где находится загробный мир (кладбища) [11, 100–117; 16, 46–80].

Дети *Мощнэ* пытаются оторваться от преследования *Порнэ*, пробираются через густой лес (тайга, возможно Парма), затем через редколесье (предгорья) и наконец, преодолевают неприступные горы (по описанию похожие на *Нёр* – Приполярный Урал), где наконец избавляются от преследования. *Мощ мяхум* оказавшись на таёжно-болотистой территории, встречается с добрыми и состоятельными людьми – *мис мяхум* ‘народ *мис*’ [11, 36–37]. Которые к тому же оказываются их дальними родственниками – «братья матери» [*пупыг щирыл* по духу-покровителю], например, в дневниковых записях В. Н. Чернецова, информант даёт такое объяснение: «*Мощ хум* [народ *мощ*] – это *мис рут*. Те, кто *нэ пупыг* имеет, все *мощ мяхум*» [9, 159]. Буквальный перевод означает: «народ *мощ* – это родственники народу *мис*. Те, кто имеет женских духов-покровителей, все народ *мощ*».

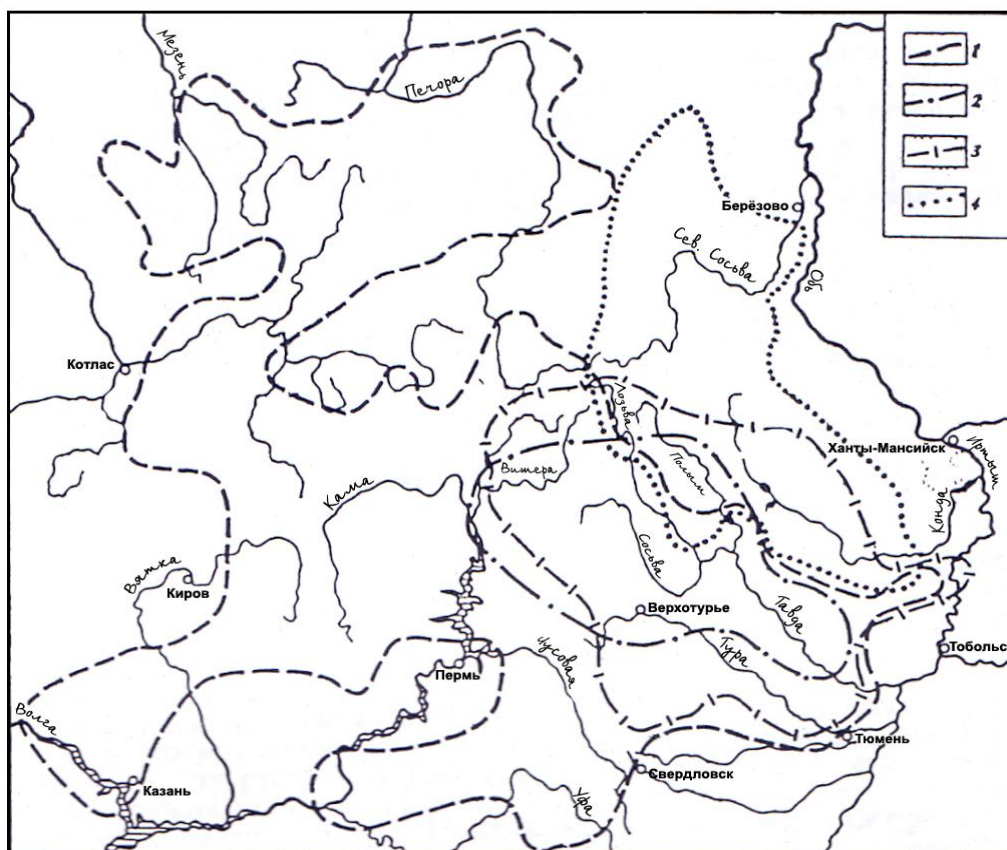
Порнэ преследовала детей *Мощнэ* с территории совместного проживания до гор, которые она не смогла одолеть. Хребет, где она застряла и в настоящее время называется «Неприступный». Данный народ *пор* не является первопоселенцем Урала, поскольку они шли следом за *мощ*. Тем не менее, преследовательница оставила свой след в уральском времени. Горный массив, где она обосновалась, имеет название *Порнэ-Ур* ‘Горный хребет женщины *Пор*’, этот горный район славится труднодоступными для перехода местами, что сочетается с ее обра-

зом, с её грубой, воинственной сутью и нежеланием помочь человеку.

Дети *Мощнэ*, гонимые *Порнэ* добрались до равнинной местности, где на одном из морошковых болот, дочь *Мощнэ* теряет братика, а на берегу озера встречается с дочерью *Порнэ*. В итоге они обе выходят замуж, но не за своих сородичей – *порхум’а* и *мощ хум’а*, а за представителей совершенно других племён – «богатырей городищ».

В то же время, на восточной части севера Западной Сибири стали появляться, а затем двинулись на запад племена (манс. *султмил*) великанов *уци/ўтици/учи*. «*Уц* – человек-свистун, племя немое, поскольку имели свой тайный язык, в присутствии других эти люди общались посредством свиста. Ростом они были с великанов-

мёнкв’ов, но имели от них отличие и себя определяли в двух названиях – *мёнкв* или *уци*. Отличались они по цвету кожи, *мёнкв’ы* имели светлый цвет кожи, а *уци* тёмный. Кроме того они имели от «чудных татуировок» слишком безобразные лица, руки, ноги [15, ХМФ–1143]. Племена *уци* назывались ещё *кирп нёлп* *эвами-ойками*, что переводят, как имеющие *кирп/тирп* ‘корка’ на носу, но буквально, видимо, должно означать – имеющие *кирп* от ран (*нёлит* ‘ранение’) [от татуировок] женщины-мужчины. Как и *мёнкв’ы*, они охотники и грозные воины. В текстах героических сказаний говорится, что они проживают семьями в домах из лиственниц, могут принимать облик россомахи, волка, медведя.

Карта 2. Расселение манси в XVI - начале XX в.
1 - по данным топонимики; 2 - в XVII в.; 3 - в XVIII в.; 4 - в XX в.
(З. П. Соколовой) [2].

Очевидно, что формирование уральской этноязыковой общности происходило в результате заселения и смешения автохтонным уральским населением Западной Сибири и пришельцев с Южного Урала: «в поисках зверя, птицы и рыбы племени *Порнэ* продвигались на запад, а племена *Мѵцнэ* – на восток и смешивались друг с другом» [по 3, 129]. Русла уральских рек совпадают с путями сезонных миграций копытных и трансуральскими транспортными артериями [13, 25], т. е., следуя за животными, древние коллективы охотников могли мигрировать как с запада на восток (осенью), так и с востока на запад (весной) (карта 1).

На Урале и в его предгорьях вследствие того, что потенциальные пути миграций были в значительной степени связаны с горным рельефом и руслами рек, проходили волны миграций, как в широтном, так и меридиональном направлении, и не всегда массовые перемещения представителей разных этносов проходили мирно. Иногда миграции отдельных этносов в приуральском регионе завершались на его территории ещё и потому, что его долины и лесистые плоскогорья делали его привлекательным для длительного проживания и ведения традиционного хозяйствования. Так, очевидно, произошло с разделившейся группой *Мѵцхум*'а, когда он с товарищами погнавшись за лосем с Южной стороны Урала оказался на Северном Урале, а родители остались и возможно, вместе с другими ушли на запад, на Дунай, поскольку разворачивающиеся события соотносятся со временем «великого переселения народов» под давлением тюркских племён расселившихся в VII–X вв. на юге Западной Сибири и Урала. Полагаем, что это были предки манси, культура которых остаётся нам неизвестной [2, 57]. Мужской коллектив степных воинов, столкнулся в горах с племенами автохтонного населения, охотниками и воинами *мѵнкв*'ами (*пор*) и *Тўлям Урың Ойки* с братьями, также мужскими коллективами и с похожей социальной организацией. Им удалось оттеснить *мѵнкв*'ов, а сами, смешавшись с женским коллективом хозяйки гор *Порнэ* остались здесь на долгое время, являя собой пример ситуации, когда: «Усложнённый ландшафт

и благоприятные экологические условия при определённых обстоятельствах являются фактором консервации этнокультурных традиций и могут привести к значительной изолированности отдельных групп населения и даже превращению их в реликты» [17, 16]. Можно предположить, что этот народ и будет являться предками верхнесосьвинской и лозьвинской (в верховьях) этнографической группы северных манси. Поскольку, именно они, на равнинной части Западной Сибири появляются и расселяются последними (не ранее XVI в.), общность, состоявшая из автохтонов-уральцев *Мѵцхум*'а (лось), а позже трансформировавшаяся во фратрию *пор*, с мифологическим духом-предком *тѵрев* 'медведица'.

Пришлый с западной стороны женский коллектив *мѵц* – *Мѵцнэ* с братиком, убегая от преследования, перебираются через горы, не задерживаясь в них надолго. Поскольку, как было сказано выше, эта часть гор скалистая и голая (манс. *нѵр*) и потому не пригодная для жизни. Новая территория, куда прибыло это население, к месту проживания их дальних родственников *мис мѵхум*, схожая с местностью, где и сегодня обитает сыгвинско-ляпинская этнографическая группа северных манси (*мѵц*). В верованиях и представлениях этой группы манси покровительницей считается *Калтац*, в образе «пожилой женщины с седыми волосами как весенняя или осенняя заячья шкурка на голове» [11, 71].

Проблему этнической принадлежности уральского населения обстоятельно рассмотрел В. Н. Чернецов по наскальным изображениям Среднего Урала и констатировал, что территория распространения писаниц совпадает с местами проживания здесь манси еще до прихода русских. При этом он ссылается на письменные источники, например, «<...> такие исследователи, как Сталенберг и Миллер указывают на принадлежность манси – вогулам святилищ, расположенных на скалах с писаницами или находящихся в непосредственной от них близости пещерах» [18, 4]. Кроме того В. Н. Чернецов, опираясь на стилистические особенности и ряд характерных фигур наскальных изображений,

находит множество совпадений в традиционном искусстве манси – орнаментах на различных материалах, бытовых рисунках, татуировках, тамгах, изображениях на священных предметах. Особую близость он видит в обычае делать «охотничьи затёсы» – своеобразные изображения на деревьях условных фигурок животных на месте их добычи. В. Н. Чернецов также убедительно связал сюжеты эти рисунков с хозяйством, культурой, мировоззрением, культовой практикой манси. Всё это позволило исследователю высказать мнение, что традиция нанесения рисунков на скалы была связана «хотя бы на поздних этапах» с угорским населением, конкретно – с предками манси. В доказательство он высказывает, как аргумент: «Можно ещё добавить, что этой поздней поре в наскальных изображениях соответствуют знаки, в точности, совпадающие с мансийскими тамгами XVII века, некоторые из которых традиционно сохранялись и до недавнего времени» [18, 4].

Фольклорные материалы дают нам возможность рассмотреть древнее деление уральского общества на группы/племена. На их основе можно предположить, что некогда обитавшее на Урале древнее большое племя *Тõрум сир/цир* ‘Божественное, небесное, верховное’ было поделено на племя *мис м̄хум* куда входит и *м̄ощ м̄хум* и племя аборигенов Урала *порнэ* (не путать с *пор* земными), в свою очередь, в силу каких-то норм (брачных?) оба племени делились ещё на две половины – женские и мужские.

К чисто мужским уральским коллективам, помимо перечисленных выше охотников и воинов, можно отнести юношей – младших братиков, а также пока непонятные, межэтнические или военнопотестарные коллективы – *Кёр Хоңра Хум* ‘Мужчина [с] Железными Подколенниками’ – брат *М̄ощхум*’у по матери [9, 268] и *Кёр Кёнтың С̄ат Отыр* ‘[в] Железных Шапках Семь Богатырей’.

К женским – семейные коллективы возглавляемые женщинами *М̄ощнэ* и *Порнэ* и их дочери. Тот же *М̄ощхум* «*тав аңкв пагы õлы, тав щ̄әне М̄ощнэ* ‘он к матери

[женщины родством прикреплён], его мать *М̄ощнэ*’. По данному поводу можно отметить, что в финно-угорских языках распространена лексема, которая соотносится с общей древней матерью – это *эңкв/ аңкв* ‘мать’, но в современном мансийском языке она сохранилась только в сакральной лексике, где речь идёт о предках, прошлом, оставленном, утерянном. Например, *эңкварп м̄а*, букв. матери деятельности земля, ‘материнская земля’, информанты дают объяснение, как «[священная] земля наших предков», а выражение *эңкварп м̄ахманув* ‘[оставленный] материнской деятельности наш народ’. Общее смысловое значение этих словосочетаний может означать: оставленная земля наших предков, где всем управляла мать/женщина и наш материнский/женский народ некогда живший на этой земле.

Интересные сведения по этому поводу даёт и П. Е. Шешкин, фольклорными материалами которого мы пользуемся: «Из племён *Менкв* и *Уци* вышла сперва женщина, она отделилась из больших человеческих стад [бродячих коллективов]. Под её руководством все становились людьми, а не бродячими дикарями, какими ещё долгое время были малочисленные группы мужчин. Этим объясняется раздробленность манси. Остаток пережитка этих племён [под руководством женщин] и самоназвание женщины – *нэ*» [15, ХМФ–1143]. В этом смысле название *нэ* ‘женщина’, очевидно от глагола *нэглункве* ‘появиться, показаться’. Древние коллективы праугров, согласно мифам и этнографическим реалиям, не только жили под управлением женщины-матери, но и мигрировали во главе с ней. «Продвижение на новые земли происходило семейными коллективами, входившими, очевидно, в один род или общину и вынужденными уходить со старых поселений из-за перенаселённости, оскудения угодий или в силу каких-то других причин» [4, 178–179]. В. Н. Чернецов (по своим археологическим данным), несмотря на то, что называет время мигрирующих большесемейных коллективов матриархальной стадией, подтверждает наше размышление о лидирующей роли женщины в период древних пере-

селений [6, 255]. Соперничество фратрий *Мѡцнэ* и *Порнэ* связано с поисками мужей и распространяется на их детей [10, 45]. Если они и пытаются создать семью, то с представителями из других групп.

Из вышеизложенного материала следует, что Западно-Сибирская низменность, Урал и его предгорья никогда не пустовали, они были заселены уже с образования Каменного пояса. Великие экологические потрясения, переселения народов, заставляли уходить с насиженных мест, но какая-то часть населения оставалась постоянно (затем трансформировалась в духов-предков), о них знали и к ним как неким родственникам *пупыг щирыл* ‘по духу-предку’ возвращались, правда, уже другие поколения (карта 2).

Неоднозначная по содержанию и многоуровневая по сложению этническая история северной группы манси требует дополнительного исследования с учётом данных в сфере археологии, этнографии, лингвистики. Мансийские мифы, легенды, предания, героические сказания имеют много вариантов и фрагментов описаний одних и тех же событий и фактов, часто противоречивых и переосмысленных. Поэтому иногда бывает очень сложно объединить их в одну сюжетную линию, в которой отразилась бы цельная картина событий какой-либо одной эпохи или мифологической модели и которая соответствовала или не противоречила бы археологическим данным и фактам истории других этносов. Возможно, мы подтягиваем целостность мифа под какую-то отсутствующую в нем схему, когда пытаемся реконструировать то, или иное событие или модель, конструкцию такого события на основе его текста в соотнесении с нашими знаниями из других источников. Понятными остаются только символы передающие образы того или иного явления. В нашем исследовании, посвящённом определению сложения локальных групп северных манси на основе мифологических миграций, предшествующих определённым историческим событиям, их довольно много. Самые существенные из них: торфяной клочок как символ первородной территории, стада домашних животных и

суконные дома – компонент степной коневодческой культуры, каменные изваяния как маркер новой территории продвижения, огненный и водный потоппы в качестве символов очищения (в т. ч. и от населения великанов), возникновения духов-предков и людей.

По данным фольклора и нашим полевым материалам, по крайней мере, просматриваются три направления миграций предков манси и дальнейшего заселения ими Урала и его предгорий:

1. С юга *Мѡцхум* гнался за лосем и оказался с товарищами на Северном Урале, где они встретились с великанами-*мѣнкв*’ами, победили их и оставались там вплоть до присоединения Сибири. Смешавшись с племенем уральской *Порнэ* в последствии, когда уже окажутся в восточной части предгорий Урала, составят основу верхнесосьвинской и лозьвинской локальных групп северных манси (*пор*).

2. С западной стороны Уральских гор, потомки *Мѡцнэ* убегая от преследующей их *Порнэ* не задерживаясь, перебираются через склоны Приполярного Урала и оказываются на восточной низменной части, где по преданию живут братья их матери – *Мис мѡхум*. Здесь и сегодня обитает сыгвинско-ляпинская этнографическая группа северных манси (*мѡц*).

3. На восточных склонах предгорий Северного Урала с равнинной части Западно-Сибирской низменности появлялись и, перемещаясь через Уральские горы на запад и обратно, двигались вслед за миграциями копытных (лося, оленя) племена великанов *Ущи/Ўтщи/Учи*. Они, как и *мѣнкв*’ы бродячие охотники и воины, возможно обитали здесь до образования уральской общности у них общий предводитель войска *Тўлям Урың Ыйка*. Основу племени составляли жители низменностей впоследствии, если судить по записям П. Е. Шешкина, с менквами и мис они уходили воевать на восток за Енисей, возможно там и осели или вернулись к своим корням (древнее енисейское население с татуированным лицом и телом).

На раннем этапе сложения уральской общности, несмотря на совместное прожи-

вание на одних и тех же территориях, браков между *мощ* и *пор* не наблюдается. Здесь можно говорить только о брачных классах, а не фратриях – мужские/воинские и женские/семейные коллективы. Девушки (дочери) постоянно открепляются от своих семей, но об их замужестве речь пойдёт только в равнинной части (болота, озеро и поселения) и выхо-

дят они за городских богатырей, представителей других племён.

Несмотря на недостаточную разработанность проблемы фольклора как исторического источника, он всё же даёт нам возможность высказать отдельные предположения по культуре отдельных локальных групп.

Литература

1. Соколова, З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Наука, 2009. – 756 с.
2. Соколова, З. П. К происхождению современных манси [Текст] / З. П. Соколова // СЭ. – 1979. – № 6. – С. 46–58.
3. Соколова, З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) [Текст] / З. П. Соколова // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.) – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 118–143.
4. Фёдорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси [Текст] / Е. Г. Фёдорова. – СПб. : Европейский Дом, 2000. – 367 с.
5. Головнёв, А. В. Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика [Текст] / А. В. Головнёв, П. Ю. Павлов, В. Н. Широков // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. – Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. – 620 с.
6. Слинкина, Т. Д. Мансийские оронимы Урала [Текст] / Т. Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2011. – 484 с.
7. Матвеев, А. К. Нёройки караулят Урал [Текст] / А. К. Матвеев. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. – 213 с.
8. Заплатин, М. А. В лесах Северной Сосьвы (Записки режиссёра-оператора) [Текст] / М. А. Заплатин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1969. – 167 с.
9. Источники по этнографии Западной Сибири [Текст]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.
10. Мифы, предания, сказки хантов и манси [Текст] / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. – М.: Наука. Глав. редакция восточной литературы, 1990. – 568 с.
11. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) [Текст] / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом и Северо-Сибирское кн. изд-во, 1993. – 208 с.
12. Аникин, А. Е. К типологии названий Большой Медведицы в языках Сибири [Текст] / А. Е. Аникин // Известия Сибирского отделения АН СССР. История, филология и философия. – 1990. – № 3. – С. 18–22.
13. Культовые памятники горно-лесного Урала [Текст] / Коллектив авторов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 431 с.
14. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст] / А. В. Головнёв – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 606 с.
15. Шешкин, П. Е. Тетради [Текст] / П. Е. Шешкин // ХМФ – 1143 – рукописи.
16. Попова, С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси [Текст] / С. А. Попова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
17. Савельев, Н. С. Горно-долинные ландшафты хребта Ирендык как фактор сохранения этнокультурных изоляторов в эпоху ранних кочевников [Текст] / Н. С. Савельев // Человек в пространстве древних культур: материалы Всероссийской научной конференции (20–25 августа 2003 года, Аркаим). – Челябинск : Музей-заповедник «Аркаим», 2003. – С. 15–16.
18. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис... докт. ист. наук [Текст] / В. Н. Чернецов. – М., 1970. – 63 с.

References

1. Sokolova Z. P. *Hanty i mansi : vzgljad iz XXI v.* [Khanty and Mansi : a view from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p.
2. Sokolova Z. P. *K proishozhdeniju sovremennyh mansi* [The origin of the modern Mansi]. *SE* [Soviet Ethnography,] 1979, no. 6, pp. 46–58.
3. Sokolova Z. P. *K proishozhdeniju obskih ugrov i ih fratrij (po dannym fol'klora)* [The origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)]. *Tradicionnye verovaniya i byt narodov Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Traditional beliefs and way of life of the peoples of Siberia. XIX – beginning of XX centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. pp. 118–143.
4. Fyodorova E. G. *Rybolovy i ohotniki bassejna Obi: problemy formirovaniya kul'tury hantov i mansi* [Fishermen and hunters of the Ob basin: problems of formation of culture of Khanty and Mansi]. Saint-Petersburg: O. O. O. «Evropejskij Dom» Publ., 2000. 367 p.
5. Golovnyov A. V., Pavlov P. Yu., Shirokov V. N. *Istoki i tradicii ural'skih kul'tur: prostranstvenno-vremennaja dinamika* [The origins and traditions of the Ural cultures: spatial-temporal dynamics]. *Tradicii i innovacii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk. Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN, Institut jetnologii i antropologii RAN; otv. red.: A. P. Derevjanko, V. A. Tishkov* [Traditions and innovations in history and culture: a program of basic research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. Department of historical-philological Sciences of the RAS, Institute of ethnology and anthropology of RAS; ed. by A. P. Derevjanko, V. A. Tishkov]. Moscow, 2015. 620 p.
6. Slinkina T. D. *Mansijskie oronimy Urala* [Mansi oronyms of the Urals]. Khanty-Mansiysk: OAO «Izdatel'skij dom «Novosti Jugry» Publ., 2011. 484 p.
7. Matveev A. K. *Njorjki karauljat Ural* [Nyoroykas guard the Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1976. 213 p.
8. Zaplatin M. A. *V lesah Severnoj Sos'vyu Zapiski rezhissjora-operatora* [In the forests of the Northern Sosva. Notes of the director-operator]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1969. 167 p.
9. *Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1987. 284 p.
10. *Mify, predaniya, skazki hantov i mansi: per. s hantyjskogo, mansijskogo, nemeckogo jazykov* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi: transl. from Khanty, Mansi, German languages]. Comp. by N. V. Lukina, ed. by E. S. Novik. Moscow: Nauka, Glav. redakcija vostochnoj literatury Publ., 1990. 568 p.
11. Rombandeeva E. I. *Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov)* [The history of the people of the Mansi (Voguls) and their spiritual culture (folklore and traditions)]. Surgut: AIIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 208 p.
12. Anikin A. E. *K tipologii nazvanij Bolshoj Medvedicy v jazykah Sibiri* [To the typology of the names of the Big dipper in the languages of Siberia]. *Izvestija Sibirskogo otdelenija AN SSSR. Istorija, filologija i filosofija* [Proceedings of the Siberian branch of the AS of USSR. History, philology and philosophy], 1990, no. 3, pp. 18–22.
13. *Kul'tovyje pamjatniki gorno-lesnogo Urala* [Religious monuments of the mountain-forest Urals]. Collective work. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 431 p.
14. Golovnyov A. V. *Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov* [Talking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995. 606 p.
15. Sheshkin P. E. Tetradi // KMF – 1143, rukopisi. Notebook // KMF – 1143, manuscripts.
16. Popova, S. A. *Obrjady perehoda v tradicionnoj kul'ture mansi* [Rites of passage in the traditional culture of Mansi]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. – 180 p.
17. Savelyev N. S. *Gorno-dolinnye landshafty hrebta Irendyk kak faktor sohraneniya jetnokul'turnyh izoljatorov v jepohu rannih kochevnikov* [Mountain and valley landscapes of the Irendyk ridge as the factor of preservation of ethnocultural insulators in the era of early nomads]. *Chelovek v prostranstve drevnih kul'tur. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (20-25 avgusta 2003 goda, Arkaim)* [Man in the space of ancient cultures. Materials of all-Russian scientific conference (August 20–25, 2003, Arkaim)]. Cheljabinsk: Muzej-zapovednik «Arkaim» Publ., 2003. pp. 15–16.
18. Chernetsov V. N. *Naskal'nye izobrazhenija Urala* [Rock paintings of the Urals]. Moscow: [w/p]. 1970. 62 p.